

ЗВЕЗДЫ “МЛЕЧНОГО ПУТИ”

Павел АМНУЭЛЬ

МОНАСТЫРЬ

**Иерусалим
2011**

Павел АМНУЭЛЬ
МОНАСТЫРЬ

Редактор О. Бэйс
Серийное оформление Б. Брайнин
Верстка А. Песков
Технический редактор О. Лайн
Корректор Р. Бескина

Издательство «Млечный Путь»,
7/2, Ротшильд, Кфар-Саба,
№. 306278326, 06.08.2007

© «Млечный Путь»

© Павел Амнуэль

© Илья Шлосберг, рисунок обложки
Все права защищены
ISBN 978-965-7546-02-4

МОНАСТЫРЬ

За утесом начался подъем. Дорога, покрытая щебнем, превратилась в узкую, утопанную множеством ног тропу, петлявшую между деревьев, выбегавшую на край обрыва и опять скрывавшуюся в тени. Древняя традиция требовала, чтобы несколько последних миль паломник прошел пешком, не прибегая ни к помощи мысли, ни даже к простейшим способам извлечения пространства, без которых жить так же трудно, как дышать там, где нет воздуха. Все возможно, но для всякой возможности есть этический предел, и Аббад лишь мимолетно подумал о том, что мог бы уже сейчас стоять перед монахами и рассказывать о своем желании, а не тащиться вверх по крутому склону.

Поворот тропы вывел Аббада к обрыву, откуда открывался изумительный вид – над пейзажем работали не только сами монахи, но и паломники. Трудно сказать, кто больше приложил усилий, физических и умственных, но результат заставил Аббада остановиться, подойти к самому краю и заглянуть вниз. Там парила в воздухе и впитывала световую энергию плотная мысль, специально подвешенная кем-то из паломников, чтобы изгнать из сознания страх и неуверенность. Ни страха, ни, тем более, неуверенности у Аббада не было, и он отогнал чужую мысль дальше от обрыва, тогда только и разглядев, что находится в глубине, и даль времен тоже только теперь оценив по достоинству.

На глаз глубина пропасти составляла мили три, а то и четыре. По времени судить было еще труднее; Аббад решил, что заглядывает циклов на триста, но мог ошибиться. Он не настолько хорошо знал историю, чтобы сказать – относится ли увиденная им на дне провала деревня к циклу Хасадея или, вполне может быть, к циклу Торента. Похожие красные крыши, и дороги тоже... а людей там, конечно, не было, с прошлым всегда так: жизнь можно увидеть лишь при сближении.

Он посмотрел в даль – зрелище могло, наверно, потрясти ребенка, не имевшего понятия о комплексной перспективе, Аббад же удовлетворенно кивнул: все было именно так, как он себе представлял, так, как описывала теория, да и могло ли быть иначе, чем это предписано физическими законами? Но как красиво! Аббад смотрел, как истончаются вдаль линии рек и становятся плоскими уступы далеких гор. Перспектива сглаживала неровности, а дымка чужих мыслей, испарения чужих эмоций создавали мерцающую колышущуюся завесу, за которой туманно проступали контуры континента Ассонг, где Аббад был много раз, но никогда не думал, что земля эта может выглядеть так странно и незнакомо, если смотреть на нее с противоположной стороны планеты.

Красиво, да. Очень. Стоять бы так и смотреть. И думать, направляя свою мысль поверх мерцающего занавеса, чтобы не смешивать собственные размышления с устоявшимся мнением большинства.

Надо идти, сказал он себе и вернулся на тропу.

Дальше стало хуже. Путь перегородил огромный валун, обойти который в трехмерии не было никакой возможности – пропасть слева, вертикальная стена справа. Задача для торопливого паломника: а ну как не хватит терпения, не захочется терять времени, или забудет человек, куда идет? Маловероятно, конечно, но не исключено, потому что поднимаются в Монастырь люди, сосредоточенные на невыполнимой идее.

– Ладно, раз так, – вслух произнес Аббад и ухватился обеими руками за острые выступающие грани. Подтянулся, почувствовал, как отозвалось тело. Стало легко, ноги оторвались от земли, на это монахи и рассчитывали: на автоматизм, на инстинкты. Нельзя. Аббад повторил себе «Нельзя!», и пальцы ощутили тяжесть тела. Аббад едва не упал, пришлось крепче вцепиться пальцами, содрать кожу на ладонях, почувствовать и загнать в подсознание боль, вонзить кончики пальцев в камень так, что посыпалась мелкая крошка, запорошив глаза...

Аббад повис, перекинул правую руку выше, вцепился в неровность, воткнул в нее большой палец и перекинул вторую руку. Он ощутил наверху движение и поздно понял, что камень расплывается, становится податливым, как глина, пальцы заскользили, пришлось погрузить руку по локоть, чтобы добраться до тверди. Как же теперь, что делать, невозможно...

Аббад уперся взглядом в серую поверхность, на которой появлялись трещины, сосредоточился, приказал камню застыть и едва успел выдернуть руку. Он повис на кончиках пальцев одной руки, будто прилип к стене, и действительно прилип – грудью, хламидой своей, из которой едва не выпал, но одежда не подвела, и сразу полегчало, а камень, конечно, отозвался, мысли хлынули сверху, подобно водопаду, Аббад задержал дыхание – он не хотел вдыхать чужие мысли, и без того силы на пределе, – подтянулся, и пальцы легли на горизонтальную поверхность, липкую и уступчивую. Тело нашло, наконец, с камнем общую идею, поднялось над ней, теперь уже и думать ни о чем не надо было: Аббад опустил на влажную поверхность и вскочил на ноги. Он стоял на камне, как на вершине горы: радость его была розовой, подобно облакам над Карадой, и поднималась прозрачным туманом. Валун уменьшался в размерах, и очень быстро Аббад встал на тропе, камень же оказался простым булыжником. Аббад

ногой отшвырнул его в пропасть и пошел дальше, не оглядываясь.

Слишком легкой стала вдруг дорога, подъем прекратился, а за новым поворотом возникла равнина, поросшее высокой травой поле, будто и не было крутой горы с воткнувшейся в небо вершиной. Аббад хотел заглянуть за близкий здесь горизонт, но взгляд ушел в пространство, потерявшее почему-то способность прогибаться.

Наверно, сейчас начнется самое трудное. Может быть, невозможное. Конечно, равнина – всего лишь передышка. Скоро... Что?

Из воздуха медленно возникал Монастырь. Он рождался из чьих-то фантазий, из долгих обсуждений и споров, из предвидений и недоговорок, уступок и разочарований, надежд и неосознанных желаний. Стены его, даже будучи пока всего лишь мысленными конструкциями, представлялись упрямыми, как характер самого Аббада, и его неудержимо притягивало к ним, как притягивает земля или чья-нибудь гениальная мысль, против которой невозможно устоять. Из шуршания множества идей возникла высокая стена, изгибавшаяся вверху так, что издали Монастырь был похож на изготовившийся к полету старинный воздушный корабль.

Монастырь встал, наконец, во всей своей красе, о которой Аббад был наслышан, но в его реальности оказался совсем не таким, каким его описывали. Не великий, но величественный. Не пугающий, но грозный. Не подавляющий, но внушающий трепет. Где-то Аббад уже видел нечто подобное, он мог бы даже вспомнить – где и когда, но не было у него сейчас желания копаться в памяти, хотя он и знал, как найти нужное воспоминание. Какая разница? Все равно, на что бы он ни был похож внешне, Монастырь был один, других таких не существовало ни в Галактике, ни в других мирах по той простой причине, что законы физики не позволяли находиться в одном фазовом пространстве двум объектам с одинаковым

полным набором квантовых чисел, включая и числа нематериальных измерений, которых в этом сооружении древности было, пожалуй (так казалось Аббаду), больше, чем материальных плит, сделанных из глины и камня. Материальное было в основании Монастыря, в его фундаменте, и стены внизу тоже выглядели материальными и устойчивыми к изменениям поля тяжести, но, чем выше поднимался взгляд Аббада, тем яснее юноша понимал, что там, в высоте, и стены, и площадки, и пилоны были слеплены не из обожженных звездным светом камней, а из мыслей создателей этого удивительного сооружения. А на самом верху, выше тех крыш, что мог обозреть Аббад, не вступая в противоречивые отношения с конструкторами замка, сияла, как голубая звезда, единственная идея, символ этого места, его название, его суть. Выразить эту идею словами Аббад не мог, слишком она была для него сложна и многогранна, а без слов, без собственной интерпретации, идея Монастыря так и осталась ярким, ослепляющим сознание, лучом, вдоль которого и нужно было идти, чтобы не попасть ни в звездный шторм, ни в запретные для человеческого воображения закоулки Галактики.

«Паломник, ты пришел.

Иди по лучу, и тебя встретит монах,

Тебя встретит монах, и ты получишь помощь,

Ты получишь помощь, если твоя мольба — о невозможном.

Но если ты молишь о невозможном, зачем ты нарушаешь покой Монастыря?»

Иди, сказал себе Аббад и сделал первый шаг к Монастырю. В стене на уровне вершины высокого дерева появилась дверь — простая, без замков, кодов, задвижек, материальных или мысленных. Дверь звала, и он вошел.

Подпрыгнув, он с удовольствием ощутил, что мышцы точно оценили высоту в этом измененном тяготении, поболтал в воздухе ногами (может, кто-то подставит опору, но нет,

никто не собирался ему помогать) и, толкнув дверь, ввалился в широкий коридор. Дверь захлопнулась с тихим щелчком и произнесла равнодушно: «Обратной дороги нет».

– Знаю, – улыбнулся Аббад. Он и не собирался обратно.

– Знание не избавляет от необходимости познания, – назидательно сказала дверь и умолкла, показывая, что в дальнейшие пререкания вступать не намерена. Истина была азбучной, от двери в Монастырь Аббад ожидал более сложных и неожиданных умозаключений.

В коридоре было темно, и Аббад постоял минуту, дожидаясь, пока глаза привыкнут к инфракрасному диапазону. Проявился длинный и узкий – двоим не разойтись – проход, стены светились мрачно, а с потолка капала тяжелая жидкость, растворявшаяся в воздухе: вопросы без ответов, обычная, как он слышал, игра для входивших. Отвечать было не обязательно, игры монахов забавляли, но не входили в непременную программу. Аббад, однако, любил вопросы. Что могли спросить монахи, он себе представлял плохо и потому поймал в ладонь одну каплю, прежде чем она успела иссякнуть. Жидкость обожгла ладонь и впиталась в кожу так быстро, что Аббаду даже показалось, будто он не смог понять ее смысла, и как теперь разберешь – что твое, что чужое в смеси нового и старого, узнанного и еще не виденного? Впитавшись, капля повисла перед его глазами короткой жаркой пульсирующей в воздухе надписью: «Только прямо».

Это и не вопрос был вовсе, а указание пути. Похоже, монахи не собирались с ним играть – значит, отнеслись серьезно.

Что ж, прямо так прямо. Знать бы еще, имели монахи в виду лишь материальное направление, или прямого пути нужно было придерживаться и в духовных поисках.

Аббад сделал несколько шагов, вглядываясь в открывшуюся даль коридора. В бесконечности возник белый свет – тусклая точка, с каждым мгновением становившаяся ярче.